

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

УДК 1(091)

Е.В. Вострикова**ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА¹**

Рассматривается проблема приписывания верований, состоящая в том, что взаимная замена имен с одинаковой референцией в пропозициональных контекстах может привести к изменению истинностного значения целого предложения.

Обсуждаются важные семантические принципы, которые должны учитываться при решении данной проблемы, и показано, что даже ослабив принципы спецификации и раскрытия кавычек, мы не сможем полностью решить данную проблему, и ответ на данную загадку следует искать в семантике имен, а не семантике предложений о верованиях. Таким образом, теория значения имен должна объяснять, как два имени одного объекта могут семантически нести разную информацию, не допуская при этом существования фреговских смыслов. Приводятся некоторые современные концепции референции, выполняющие эти условия.

Ключевые слова: загадка Фреге, интенциональность, семантика, прагматика, референция, единичные термины, пропозициональные контексты.

Загадка Фреге

Философское исследование практически любой на первый взгляд маленькой и незначительной проблемы осложняется тем, что тянет за собой целый комплекс других философских проблем. Загадка Фреге – одна из таких «незначительных» проблем современной философии, решению которой вот уже более ста лет академические философы посвящают целые монографии [1–3] и для которой до сих пор не было найдено решения, которое не сталкивалось бы с целым рядом методологических и философских сложностей. Возможность предложить адекватное решение этой проблемы является как бы лакмусовой бумажкой для теорий сразу в двух центральных областях философии – философии языка (для теории значения и/или референции) и философии сознания (теории пропозициональных отношений, интенциональности). В данной статье я хочу внести свой скромный вклад в решение этой проблемы. Сначала постараюсь ясно сформулировать задачу и условия, которые стандартно выдвигаются для ее решения, обсудить их адекватность и когерентность, обозначить сложности, с которыми сталкиваются уже существующие концепции в этой области, а затем предложить возможное решение некоторых из этих сложностей или по крайней мере направление для их решения.

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ, гранты 08-06-00483-а и 09-06-00322-а.

Эта проблема неслучайно носит название «загадка Фреге», именно Г. Фреге в своей работе «О смысле и значении» [4] впервые привлек внимание к данной проблеме и ее важности для исследований языка, а его концепция о различии смысла и предметного значения во многом была специально ориентирована на ее решение.

Речь идет о проблеме информативных тождеств, рассмотрим пример Фреге:

1. Венера есть Венера.
2. Утренняя звезда есть Венера.

Фреге указывал на то, что первое предложение не является информативным. Любой, понимающий смысл этого предложения, с его точки зрения, знает, что оно является истинным, прочитав его, он не усваивает никакой новой информации – оно является априорным и аналитическим. Второе предложение, хотя и является также предложением о тождестве, несет в себе некоторую информацию. В прошлом предложение (2) выражало научное открытие. Собственно, загадка Фреге состоит в том, что *оба эти имени указывают на один и тот же объект, оба эти предложения сообщают об одном и том же факте* (используя терминологию аналитической философии, отсылают к одной и той же сингулярной пропозиции). Как возможно, что данные предложения несут разную информацию, если по своей структуре (два имени одного объекта и отношение тождества между ними) они должны сообщать одну и ту же информацию?

Натан Сэлмон [1. Р. 12] справедливо замечает, что загадка Фреге не является особенностью предложений о тождестве. В самом деле, мы можем сформулировать соответствующую проблему, совершенно не обращаясь к понятию тождества.

(1) Утренняя звезда является планетой, если Вечерняя звезда является планетой.

(2) Утренняя звезда является планетой, если Утренняя звезда является планетой.

Первое предложение здесь является информативным, а второе нет, хотя каждое из них приписывает одно и то же свойство одному и тому же объекту.

Для решения таких проблем, как эта, Фреге предложил провести различие между смыслом и предметным значением¹ в отношении имен (он проводил аналогичное различие в отношении всех типов лингвистических выражений). Фреге высказывался недостаточно четко о том, что он понимал под смыслами имен, но по некоторым косвенным свидетельствам можно предположить, что он считал смыслом имен скрытую дескрипцию (дескрипции)². Итак, решение Фреге состояло в том, что фактически каждое предложение (1) из рассмотренных пар предложений несет *другую информацию*, чем предложения (2).

¹ Каждый раз, обращаясь к фрегевскому различию между смыслом и значением, я буду использовать термин «предметное значение». Термин «значение» в данной статье, таким образом, будет иметь стандартное употребление, в соответствии с которым этим термином обозначается информация, которую несет термин семантически (вне зависимости от того, выделяем ли мы смысл как отдельную составляющую значения).

² Например, он приводил такое описание смысла имени «Аристотель», как «ученик Платона»; см. [4. С. 231].

Особую версию загадки Фреге представляют собой сообщения о верованиях (предложения с косвенными контекстами, предложения с непрямими контекстами, предложения с пропозициональными установками – такие названия используются для обозначения этой проблемы в аналитической философии). Именно эта версия загадки породила то огромное количество дискуссий, на которое я ссылалась в начале данной статьи.

Собственно, ее суть состоит в следующем: у нас есть следующие четыре предложения:

(1) «Фосфор есть Венера» – истинное предложение о тождестве.

(2) «Геспер есть Венера» – истинное предложение о тождестве.

(3) «Фалес верил, что Фосфор есть Венера» – истинное предложение о веровании Фалеса.

(4) «Фалес верил, что Геспер есть Венера» – ложное предложение о веровании Фалеса.

Четвертое предложение получается путем *замены* имени на другое имя, обозначающее тот же самый объект. При этом четвертое предложение оказывается ложным. Поскольку выражения с одинаковым значением должны быть заменимы во всех контекстах без изменения истинностного значения предложения, то мы вынуждены сделать вывод о том, что разные имена, указывающие на один и тот же объект, обладают разным значением.

Фреге использовал различие между смыслом и предметным значением для решения этой загадки. Он утверждал, что косвенное предложение имеет своим *предметным значением* смысл или мысль, поэтому несмотря на то, что данные имена («Венера», «Фосфор», «Геспер») имеют одинаковое предметное значение, их нельзя взаимно заменять в косвенном контексте, поскольку они обладают различным смыслом.

Данное решение проблемы в современной аналитической философии привлекает очень небольшое количество исследователей, поскольку оно нарушает некоторые важные и хорошо обоснованные семантические принципы. Мы рассмотрим эти принципы в следующем параграфе. Однако даже если у нас есть достаточно серьезные основания для того, чтобы отрицать решение, предложенное Фреге для загадки, им же сформулированной, загадка от этого никуда не исчезает, и необходимость предложить для нее адекватное решение ложится на плечи любого теоретика значения.

Почему же нельзя просто отбросить вопрос о взаимозаменяемости терминов в косвенных контекстах, неужели у специалистов по семантике нет более серьезных проблем? К сожалению, просто игнорировать данную проблему невозможно. Причина состоит в том, что эта загадка является всего лишь демонстрацией более глубокой проблемы семантики. Речь идет о проблеме *композициональности*.

Композициональность – одно из основных свойств языка, состоящее в том, что значение выражений определяется семантикой выражений, входящих в их состав, и их синтаксисом. Так, значение выражения «отец президента России» определяется значением слов «отец», «президент» и «Россия» и структурой фразы «отец (кого?) президента (чего?) России». Также значение предложений задается семантикой его составных частей и его синтаксисом (их способом связи). Именно композициональностью объясняется наша спо-

способность производить бесконечное количество предложений, зная только конечный набор слов (продуктивность языка).

Согласно принципу композициональности при замене одного синонима на другой значение целого выражения должно остаться прежним. Однако если при такой замене изменяется истинное значение предложения, значит, изменяются и условия истинности предложения, следовательно, значение предложения также не может оставаться тем же самым. Проблема косвенных контекстов, сформулированная Г. Фреге, показывает, как нарушается принцип композициональности в такого рода предложениях.

В действительности, существует несколько формулировок загадки Фреге и следующая из них приблизит нас к пониманию того, почему это проблема не только семантики, но и теории интенциональности.

- (1) «Фосфор есть Венера» – истинное предложение о тождестве.
- (2) «Геспер есть Венера» – истинное предложение о тождестве.
- (3) «Фалес верил, что Фосфор есть Венера, и он верил, что Геспер не есть Венера» – может быть истинным предложением о веровании Фалеса.

В данном случае речь идет не просто о возможности или невозможности подстановки терминов в косвенном контексте. Условия истинности последнего предложения таковы, что оно истинно тогда и только тогда, когда правильно описывает верование Фалеса, т.е. Фалес действительно верил, что Фосфор есть Венера, но верил, что Геспер не есть Венера. Для того чтобы мы могли выражать наши мысли в предложениях, условия истинности мысли и предложения, ее выражающего, должны быть одинаковыми. И если противник различия между смыслом и значением, столкнувшись с проблемой косвенных контекстов в первой формулировке, может отрицать тезис (4) ««Фалес верил, что Геспер есть Венера» – ложное предложение о веровании Фалеса» и утверждать, что если Фалес верил, что Фосфор есть Венера, то он верил также и в то, что Геспер есть Венера, то для решения этой проблемы он должен предложить какое-то иное объяснение. Как выразил это Н. Сэлмон, «если информация I и информация I' идентичны, то некто может верить, что I, если и только если он верит, что I'» [1. P. 80].

С точки зрения Фреге, эта проблема не более сложна, чем проблема невозможности подстановки имен с одинаковым предметным значением в косвенных контекстах. Но если мы отвергаем фрегевское различие смысла и предметного значения для собственных имен и его контринтуитивный тезис о том, что в косвенных предложениях все термины должны поменять свое значение (и предметное значение, и смысл), то оказывается, что Фалес принимает и отрицает одну и ту же пропозицию (которую можно также выразить «Венера есть Венера»). Каким образом можно объяснить, учитывая, что Фалес – совершенно рациональный человек, всегда отвергающий другие противоречивые утверждения?

Для человека, неискушенного в философии, сама формулировка этой загадки может показаться странной. Ну конечно, человек может верить, что Фосфор есть Венера, а Геспер не есть Венера, ведь он не знает, что это имена одного предмета! Другая реакция, которая с большой долей вероятности последует, такова – просто в голове у Фалеса есть определенные представления

о Фосфоре, они отличаются от его представлений о Геспере. Однако оба эти ответа свидетельствуют о непонимании сути сформулированной загадки.

Ошибка первого ответа состоит в том, что знание или незнание Фалесом каких-то слов не имеет никакого отношения к семантике этого предложения. Эта загадка специфична именно для имен. Данное предложение (3), по крайней мере в первом приближении, не аналогично предложению (3)' «Иван считает, что холостяки счастливы, и считает, что неженатые мужчины не счастливы». Если Иван заглянет в словарь, он узнает, что «холостяк» и «неженатый мужчина» – синонимы, что дает нам полное право считать данное предложение (3)' ложным или Ивана нерациональным. В лучшем случае ему недостает чисто семантического знания, знания о значении и употреблении определенных слов. Совсем иначе обстоит дело с «Фосфором» и «Геспером». Знание, которого не достает Фалесу, не является чисто семантическим. Была проделана серьезная работа астрономов, прежде чем тождество «Фосфора» и «Геспера» было установлено.

Кроме того, никто из представителей так называемой прямой теории референции (концепции, согласно которой имя обозначает свой объект напрямую) не отрицает, что в голове у Фалеса существуют разные способы восприятия, которые он ассоциирует с двумя именами. Вопрос состоит только в том, какое отношение это имеет к семантике предложения, ведь имена указывают не на то, что происходит у нас в головах, а на объекты реального мира. Никто также не отрицает, что если мысли Фалеса были описаны в другом предложении: «Фалес считал, что самое яркое тело (после Солнца и Луны), которое он видит утром на небе, это Венера, а самое яркое тело (после Солнца и Луны), которое он видит ранним вечером, это не Венера», то сложностей бы не возникло. Наша же загадка *об условиях истинности* того предложения, которое нам дано (и мысли, которую оно выражает), вопрос состоит в том, *какой из элементов* в том предложении *семантически* может нести информацию о том, что происходит в голове определенного человека.

Кто-то¹ мог бы возразить, что философия логического анализа языка и загадки, которые она породила, не имеют никакой философской значимости, поскольку изначально отталкиваются от ложной посылки об особой роли утвердительных предложений в языке и о роли условий истинности предложения для значения выражений, из которых оно состоит. В рамках данной статьи нет места для опровержения такого фундаментального тезиса, и я не уверена, что его вообще можно опровергнуть (равно как и противоположный ему тезис). Однако, на мой взгляд, бессмысленно отрицать, что именно утвердительные предложения в первую очередь являются носителями информации – как истинной, так и ложной (или используются в качестве таковых). Удачно это выразил Скотт Соумс: «Возможно, семантическая информация – это не только условия истинности, но без условий истинности нет вообще никакой информации» [5. P. 576].

¹ Странники философии обыденного языка, последователи поздних работ Л. Витгенштейна.

Условия задачи

Итак, мы сформулировали вопрос, который ставит для нас загадка Фреге. Ответ на этот вопрос предложить не так просто, поскольку он должен согласовываться с некоторыми важными семантическими принципами.

1. Прямая референция.

Почему, собственно говоря, философы усматривают в решении Фреге проблему? Почему бы нам не остановиться на том, что значение имени – это не объект, который оно обозначает, и не признать, что имена обладают некоторым смыслом? Дело в том, что допущение о существовании смыслов имен кажется ходом *ad hoc*. Сравним этот тип выражений с другими выражениями языка. Такие слова, как «звезда», «утро», с очевидностью несут в себе некоторую информацию. Мы понимаем их значение и, благодаря этому, понимаем предложения, в которые эти слова входят.

Когда речь идет о понимании высказывания/предложения, необходимо различать два типа понимания его значения. В одном случае мы можем определить *истинностные условия предложения* (мы целиком понимаем пропозицию, которую выражает предложение), тогда можно говорить о полном понимании. Например, если я утверждаю: «По утрам на небе виднеется меньше звезд, чем по вечерам», другой человек способен *полностью* понять это предложение и определить, является оно истинным или ложным. Другой вид понимания – когда мы *полностью понимаем значение слов*, составляющих предложение, однако не можем определить истинностные условия предложения. Так, если я вижу написанное предложение «Я умен», мне не известны его условия истинности до тех пор, пока я не знаю его автора. В данном случае в предложении было задействовано индексное выражение, и по этой причине без знания контекста мы не можем знать и пропозицию, которое предложение выражает. Тем не менее, зная этот контекст и понимая семантическую информацию, которую несет слово «я» (всегда указывает на автора слов), можно легко определить истинностные условия предложения. Полезно здесь обратиться к различию между символом (*character*) и содержанием (*content*), предложенным Д. Капланом [6]. Символ для индексных выражений – это то семантическое значение, которое они имеют безотносительно контекста (для «я» символом будет что-то вроде «автор этих слов»), благодаря которому, будучи использованным в контексте, они указывают на объект. Более сложный случай представляют собой такие индексные выражения, как «она», поскольку знание контекста и понимание значения этого выражения не в полной мере достаточны для определения истинностных условий предложения (я не смогу полностью понять предложение с этим выражением, если в комнате находится 10 женщин, и я не обладаю никакой дополнительной информацией, которая позволяла бы однозначно определить, о ком конкретно идет речь). Тем не менее и это выражение «она» несет в себе информацию семантически (независимо от конкретного употребления в конкретной ситуации) – каждый, знающий его значение, понимает, что оно указывает на человека женского пола (и только одного) или на конкретный объект (и только один), обозначаемый существительным женского рода (в русском языке, в частности).

Однако *имена* в нашем языке функционируют совсем не так, как предполагал Фреге, т.е. они действуют совершенно иначе, чем *описания*. Имя скорее действует, как «он» или «она», – оно определяет в некоторой степени своего референта *семантически* («Екатерина» – обозначает женщину, а не мужчину, указывает на одного человека в любом данном контексте, указывает на человека, в действительности носящего это имя, – более нам ничего данное имя не сообщает), но оставляет большой пробел в нашем знании истинных условий предложений, в которые оно входит, если это предложение рассматривается *без контекста его конкретного употребления*. Если я слышу предложение «Саша родился 13 октября 1982 года», я не могу определить истинные условия данного предложения, несмотря на то, что остальная часть предложения несет достаточно конкретную семантическую информацию. И если бы вместо этого предложения мне было бы дано такое предложение, где *действована опись, а не имя*: «Молодой человек, который был единственным студентом мужского пола филологического факультета МГУ в 1999, родился 13 октября 1982 года», то я могла бы узнать, истинно оно или ложно. Даже если мне ничего не известно о гендерном составе студентов филологического факультета МГУ, мне не нужно получить никакую дополнительную информацию о *значении* выражений, входящих в состав данного предложения, я знаю полностью *пропозицию*, которую выражает это предложение, я полностью понимаю его *условия истинности*.

Даже если мы рассмотрим пример из работ Фреге, где употребляются имена, обладающие более однозначно закрепленными за ними конвенционально значениями, такой как «Аристотель был учителем Александра», то и в данном случае нам следует проявить должную осторожность. Нам может показаться только на первый взгляд, что это предложение семантически выражает пропозицию, но при более внимательном рассмотрении мы поймем, что это не так. Мы предполагаем на основе некоторых *прагматических* соображений (Фреге – философ и, наверное, речь скорее идет об известном философе, чем о другом человеке с именем Аристотель, тем более, что философ Аристотель был учителем известного Александра, и т.п.). Услышав или прочитав это предложение вне контекста, я не могу определить его истинные условия. Ведь если речь идет об Александре – моем брате из Нарьян-Мара, то это предложение будет ложным. И история, конечно, знает более чем одного Аристотеля.

Фреге представлял, что в идеальном языке каждое имя будет обозначать только одного носителя. Но по всей видимости, многозначность имен – это не их вторичное и случайное свойство, а некоторый их существенный атрибут: *семантика* имени настолько *бедна*, что позволяет одному имени обозначать бесчисленное количество объектов, которые не объединены никакой общей характеристикой (за исключением того, что все они носят это имя).

Помимо этого, проблема в данном случае лежит глубже, чем просто возможность существования нескольких носителей одного и того же имени. В действительности, в самом значении имени нет ничего, что позволяло бы нам детерминировать одну-единственную *опись*, которую обозначает это

имя, или необходимый кластер¹ дескрипций. И конечно, ассоциации и индивидуальные представления, которые имеет человек о носителе данного имени, или дескрипции, которые конкретный человек ассоциирует с этим именем, не могут выполнять тех *семантических* функций, которые требуются от смысла, а именно – детерминацию условий истинности предложений, в которые входит это имя. Ни один из сторонников прямой теории референции не отрицает, что имена имеют некоторые коннотации, например, трудно себе представить, что кто-то будет с гордостью носить фамилию «Чикатило». Однако они отрицают, что такого рода негативные или позитивные ассоциации имеют какое-то отношение к семантическим свойствам имени. (Я уже не говорю о специальных модальных сложностях фрегевской семантики, сформулированных С. Крипке [7].)

Именно поэтому допущение *смыслов* имен (как дескрипций) кажется ad hoc шагом: мы принимаем их, чтобы разрешить одну специфическую проблему – значение (meaning) имен в косвенных продолжениях, вопреки тому, что это противоречит некоторым хорошо известным фактам о том, как работает язык.

2. Семантическая невинность (innocence).

Данный принцип был сформулирован в работе Д. Дэвидсона «О местоимении «что»»: «Со времени Фреге философы утвердились во мнении, что предложения содержания в разговоре о пропозициональных установках могут странным образом указывать на такие сущности, как интенционалы, пропозиции, предложения, высказывания и надписи. Странной эту идею делают не эти сущности, с которыми все в порядке, когда они на своих местах (если таковые имеются), а *представление, согласно которому слова, обозначающие планеты, людей, столы и гиппопотамов в косвенной речи, могут сменить эти обычные референции на экзотические*. Если бы мы смогли вернуть нашу *семантическую невинность*, которой мы обладали до Фреге, то я думаю, нам показалось бы совершенно невероятным, чтобы слова «Земля вертится», произнесенные после слов «Галилей сказал, что», значат что-либо или указывают на что-либо кроме того, что они обычно значат или на что указывают в других обстоятельствах» [8. С. 161] (курсив мой. – Е.В.). На мой взгляд, данный принцип очень важен для семантики и любой концепции, предлагающей решение загадки Фреге, с учетом данного принципа следует отдать предпочтение перед теорией, которая решает ее без его учета. Язык способен выполнять свои многочисленные функции благодаря тому, что выражения языка имеют стандартные значения, сочетая их различным образом, мы способны выражать бесчисленное количество мыслей, и нарушение данного принципа ведет к нарушению принципа композициональности.

3. Ворование – это отношение к пропозиции.

Все предложения о верованиях имеют определенную характерную логическую форму. Эта логическая форма сходна (на первый взгляд, ведь логические формы не даны нам непосредственно) с логической формой предложений, выражающих отношение между двумя объектами, такими как «стул находится справа от стола» – «aRb». Ворование логически выглядит как отно-

¹ Кластерную теорию отстаивали П. Стросон, Дж. Серл.

шение к пропозиции, например, в предложении «Фалес верил, что...», речь идет об отношении «верить», в котором стоит Фалес, и пропозиция «что...». Утверждение о том, что верование является отношением к пропозиции, логически не зависит от того, какую концепцию пропозиций тот или иной философ принимает.

Несмотря на кажущуюся очевидность данного принципа, а также его распространенность в современной философии, на мой взгляд, у нас есть некоторые основания для того, чтобы сомневаться в его истинности.

Во-первых, грамматическая форма предложений может скрывать их логическую форму. Рассмотрим, например, такое слово, как «любить». По форме предложений, в которые оно входит, это слово обозначает отношение. Тем не менее это можно подвергнуть сомнению. К примеру, согласно моим семантическим интуициям, предложение «Мой сын любит Санта Клауса» может быть *истинным*. Однако если это так, то «любить» не будет являться отношением (поскольку Санта Клауса не существует). Рассмотрим другой пример: «Многие люди любят бога»: я могу сказать, что это предложение является истинным, даже не поднимая вопрос об онтологическом статусе бога.

Во-вторых, верования не обязательно должны быть выражены предложениями именно в такой форме. Они могут быть выражены, например, таким образом: «по моему мнению, Фосфор есть Венера», «на мой взгляд, Фосфор есть Венера», а также они могут быть выражены просто «Фосфор есть Венера».

В-третьих, нам на сегодняшний момент не известно, что такое верование как феномен сознания, и мы не можем делать никаких предположений и выводов о его природе на основании структуры предложений. Нам известно только, что верования должны представлять мир каким-то образом, что они (по крайней мере, некоторые из них) должны быть истинными или ложными, а значит, должны иметь условия истинности. В конце концов, предложения естественных языков также имеют условия истинности, но они *не являются* отношениями к пропозициям.

Я полагаю, что отрицание этого принципа (по меньшей мере, воздержание от его принятия) позволило бы нам оставаться в семантической плоскости при рассмотрении проблемы приписывания верований и сосредоточиться на условиях истинности таких предложений, а не на том, что происходит или не происходит в голове у кого-то.

4. Принцип спецификации¹.

Согласно этому принципу, предложение, следующее за «что», полностью специфицирует верование того, кому это верование приписывается. Этот принцип связан с принципом «верование есть отношение к пропозиции», но в то же время отличается от него. Он касается только *предложений* о верованиях (предложений формы «X считает, что...») и говорит, что они осуществляют референцию к пропозиции, в которую верит человек, и точно описывают содержание верования.

¹ Этот принцип был впервые сформулирован и подвергнут критике, насколько мне известно, в работах Кента Баха [9, 10].

На мой взгляд, адекватность этого принципа также может быть подвергнута сомнению. Во-первых, он основывается на соображениях такого же толка, как и предыдущий принцип, истинность которого также не очевидна.

Во-вторых, истинностные условия предложений о веровании не предполагают, что верование должно быть описано в точно таких же выражениях, которые бы использовал тот, кому это верование приписывается. Более того, не требуется также соответствия в используемых модусах – *de re* и *de dicto*¹ (вопреки распространенному в философии мнению, что замена возможна, если модус был *de re*, и невозможна, если модус был *de dicto*). Можно показать это, используя пример «сказал, что» (вместо «верит, что»), что сделает условия истинности данного предложения более прозрачными для нас.

Мы можем сконструировать ситуацию, в которой некто Петр читал и знает только одно произведение Марка Твена – «Приключения Тома Сойера» и говорит: «Я могу сказать, что автор «Приключений Тома Сойера» – теперь мой любимый писатель». Другой человек, Илья, хорошо знакомый с писателем лично и с его творчеством, может сказать в кругу других друзей Сэмюэла Клеменса²: «А Петр сказал про тебя, что ты его любимый писатель», очевидно используя местоимение «ты» в модусе *de re*.

Другими словами, я могу сделать *de re* сообщение, даже если изначально Петр использовал имя «Твен» в модусе *de dicto* (мое сообщение окажется ложным, тем не менее, если выяснится, что «Приключения Тома Сойера» принадлежит перу другого автора и было случайно приписано Клеменсу. Но если фактически Клеменс является автором «Сойера», то я вполне могу сделать такую замену). Я могу найти еще 10 других способов сообщить о том, что сказал Петр.

Например, он может также сообщить другому малокомпетентному, как и Петр, в литературе человеку, прочитавшему только «Приключения Гекльберри Финна»: «Петр сказал, что автор этого произведения (указывает на «Приключения Гекльберри Финна») – его любимый писатель».

Несложно понять, как можно сконструировать и обратную ситуацию (когда сообщение было в модусе *de dicto*, а сообщение, передающее его, будет в модусе *de re*).

Объясняется это тем, что модусы определяются *употреблением* (прагматикой) выражений, они не определяются их *семантикой* (значением и семантической категорией, к которой выражение принадлежит, и т.п.). Выбор модуса, в котором будут употребляться выражения в предложении, описывающем верование (или утверждения), *определяется тем, кто делает это сообщение*, а не тем, кому эти верования/сообщения приписываются.

Единственным необходимым (но ни в коей мере *не достаточным*) условием правильной передачи верования является какое-то указание на ту же самую расселовскую пропозицию (состоящую из объекта реального мира и его свойства), на которую указывает само верование. Но способ указания может существенно отличаться. Мы можем задействовать имена, дескрип-

¹ Модус *de re* используется, если выражение указывает напрямую на объект, модус *de dicto* – если указание опосредовано дескрипцией (существуют и другие подходы к данному различию).

² Марк Твен – творческий псевдоним Сэмюэла Клеменса.

ции, местоимения и т.п., различные модусы – наш выбор будет определяться многими прагматическими, контекстуальными соображениями, существует множество самых разнообразных случаев.

Одинаковы ли пропозиции, выраженные такими предложениями: «Твен – мой любимый писатель» и «Автор «Приключений Тома Сойера» – его любимый писатель» (где индексные выражения «его» и «мой» означает «Петра»)? Условия истинности этих предложений одинаковы для нашей реальной ситуации, одно истинно тогда, когда истинно другое, – один и тот же факт делает эти высказывания истинными или ложными. Но в целом их условия истинности различны, «Марк Твен» и «автор «Приключений Тома Соейра»» несут разную информацию семантически, в частности, это различие будет очевидно, если мы будем рассматривать модальные контексты (Марк Твен мог бы не быть автором «Приключений Тома Сойера»).

Таким образом, семантика предложений о верованиях не определяет условия возможности замены терминов с одинаковой референцией. Возможна ли будет такая замена, определяется прагматикой (зависит от контекста: определяется тем, что известно говорящему об объекте верования агента, а также тем, что он знает о том, что знает его аудитория). Семантика не полностью определяет условия истинности таких предложений (семантически они не выражают полную пропозицию), зная такое предложение без контекста, мы не можем определить его истинность или ложность.

Таким образом, необходимым условием того, что предложение с пропозициональным контекстом является истинным сообщением о том, что некто сказал (или о том, во что некто верит), не является точный пересказ слов говорящего (или пересказ их с использованием только синонимичных выражений¹).

Здесь я указала на многочисленные случаи, когда замена кореференциальных терминов в косвенном контексте возможна, но это еще не приблизило нас к пониманию, когда и почему такая замена невозможна.

5. Принцип раскрытия кавычек.

Данный принцип был сформулирован в работе С. Крипке «Загадка о веровании» [12]. Крипке формулирует тезис в двух версиях – более слабой и более сильной. Первая звучит таким образом: «если человек, в достаточной степени владеющий языком, хорошо поразмыслив, искренне соглашается с предложением «Р», то он верит, что Р». Вторая – «человек, в достаточной степени владеющий языком, хорошо поразмыслив, искренне соглашается с предложением «Р», если и только если он верит, что Р».

Этот принцип играет важную роль в формулировке загадки о веровании. Именно на основании этого принципа философы утверждали, что в косвенных контекстах разные имена с одинаковой референцией не могут заменять друг друга.

При обсуждении принципа спецификации было показано, что существуют случаи, когда такая замена возможна, даже если сам человек вряд ли мог бы принять предложение, описывающее его верование (высказывание). По всей видимости, существуют достаточные основания для отрицания данного

¹ Противоположной точки зрения придерживается, например, П.С. Куслий [11].

принципа в его *сильной* формулировке (а именно, мы можем отрицать, что если человек *не принимает* предложение, то это всегда означает – он *не имеет* верования, которое можно описать данным предложением).

Однако отрицание этого принципа в строгой форме еще не дает нам решения загадки Фреге. Очень важно семантически различать отказ от принятия предложения и принятие отрицания этого предложения. По настоящему сложным случаем для сторонника прямой теории референции является ситуация, когда некто (Петр) одновременно принимает два предложения: «Марк Твен – известный писатель» и «Сэмюэл Клеменс не является известным писателем» (которые с его точки зрения будут выражать пропозицию и ее отрицание) [12].

(Я использую здесь различные имена «Твен» и «Клеменс» только для наглядности. Я вполне могла бы использовать одно и то же имя, как в аргументе, сформулированном С. Крипке: некто может считать, что Падеревски имеет музыкальный талант и что Падеревски не имеет музыкального таланта, полагая, что Падеревски-музыкант и Падеревски-политик — это разные люди (тогда как в действительности это один человек).

Сторонник прямой теории референции, отрицая принцип раскрытия кавычек в его слабой форме, может либо утверждать, что предложения типа «Петр верит, что Марк Твен является известным писателем, а Сэмюэл Клеменс не является известным писателем», в большинстве случаев являются ложными, либо утверждать, что Петр верит в противоречие.

Обе эти возможности, на мой взгляд, являются малопривлекательными. Каждая из них означает, что мы должны вступать в противоречие с семантическими интуициями большинства людей. Я полагаю, что это создает серьезное основание для сомнений вообще в любых достижениях семантики, поскольку каждый исследователь опирается, прежде всего, на собственные семантические интуиции об истинностных условиях предложений.

Некоторые сложности некоторых решений

Фрегевский ответ на обсуждаемую проблему нарушает очень важные для семантики принципы: принцип прямой референции и принцип семантической невинности.

Некоторые сторонники прямой теории референции утверждали, что в косвенных предложениях обсуждаемого типа содержатся *скрытые индексы*, которые указывают на способ представления объекта [12–14] (семантика этих предложений несет информацию не только о сингулярной пропозиции, в которую верит человек, но и о способе, каким он в нее верит). Теории такого типа сталкиваются с серьезными сложностями. В частности, их утверждение о скрытых индексах является *ad hoc* шагом. Многие вещи происходят определенным образом, например, всегда можно уточнить, как именно я хлопаю в ладоши, но из этого не следует, что в семантике предложения «Я хлопаю в ладоши» есть индекс, указывающий на способ «хлопанья». Также эта концепция не может объяснить, почему именно в косвенном контексте (но не в обычном употреблении) и именно при употреблении имен (ведь с дескрипциями нам не нужны скрытые индексы) возникают эти индексные элементы.

Кроме этого, указание на личные способы репрезентации в чье-то голове делают условия истинности предложений о верованиях весьма непрозрачными.

Помимо всего прочего, эта концепция дает ложные предсказания об условиях истинности предложений о верованиях: например, предложение «Аристотель верил, что Марк Твен был великолепным писателем» [16. P. 556] с точки зрения этой концепции должно быть бессмысленным (поскольку у Аристотеля не было никакого способа репрезентации Марка Твена), но на самом деле мы понимаем смысл этого предложения и с уверенностью можем сказать, что у Аристотеля не было соответствующего верования, а значит, данное предложение является ложным.

В других концепциях отрицается наличие семантического компонента, указывающего на способ представления объекта [1], и считается, что эта информация привносится прагматически. Тем не менее в этой концепции сложно объяснить осмысленность высказывания «Я считаю, что Петр верит, что М. Твен – это писатель, но не считаю, что он верит, что С. Клеменс – это писатель», если мне известно, что это один и тот же человек. В таком случае у меня нет двух разных способов представления писателя, соответственно, я должна приписывать противоречие самой себе [17].

Заключение

Философы языка проявили чудеса изобретательности, пытаясь примирить в рамках одной теории хотя бы четыре из этих принципов. Тем не менее сегодня можно констатировать, что создать концепцию референции, сохранив все эти принципы, невозможно. Нам остается только размышлять над тем, какими принципами можно поступиться с наименьшими потерями для семантики. Но мне кажется, что у нас есть перспективы в решении загадки Фреге, если мы будем принимать во внимание приведенные выше соображения об этих семантических принципах.

Несмотря на то, что логическая география позиций о загадке Фреге очень обширна, в целом у нас есть только две альтернативы:

1) *Отрицать*, что предложения формы «Илья верит, что Марк Твен – писатель и что Сэмюэл Клеменс – не писатель» могут быть истинными, принимая во внимание, что Илья нормальный здравомыслящий человек.

2) *Признавать*, что предложения формы «Илья верит, что Марк Твен – писатель и что Сэмюэл Клеменс – не писатель» могут быть истинными, и искать объяснение такой возможности в семантике (либо глаголов «верить», «считать», «говорить», либо единичных терминов (имен, местоимений, дескрипций)).

Первая альтернатива сопряжена с отрицанием принципа раскрытия кавычек в его слабой формулировке, что оставляет нас в большой неопределенности относительно того, каковы условия истинности предложений о верованиях и как можно удостовериться в их истинности или ложности.

Таким образом, я думаю, нам следует ориентироваться на вторую альтернативу. Принимая во внимание серьезность аргументов против теории скрытых индексов, имеющих референтами способы представлений объектов в косвенных предложениях, я полагаю, что ответ следует искать в семантике единичных терминов. Это вполне согласуется с тем, что я говорила о семан-

тике и прагматике высказываний о верованиях, когда обсуждался принцип спецификации. Для описания верования говорящий должен использовать обычные слова с их обычной референцией в их обычном значении. Я указывала на то, что возможность замены выражений с одинаковой референцией в косвенном контексте определяется *прагматикой*, тем, как и для каких целей описывает верования человек, который их приписывает. Однако нам известно, что в некоторых случаях такая замена невозможна. И для этой невозможности – учитывая распространенность данного феномена – должно быть *семантическое* объяснение (в противном случае мы будем вынуждены нарушить принцип семантической невинности). Мы должны предложить теорию значения имен такую, чтобы она допускала, что разные имена для одного объекта могут иметь разные значения.

Это не вынуждает нас принимать фрегевскую *ad hoc* концепцию смыслов для имен. Все, что требуется от такого объяснения, чтобы теория значения для имен согласовывалась с тем, какой вклад на самом деле имена вносят в условия истинности предложений, в которые они входят. Эта концепция должна, во-первых, показывать, что даже два употребления одного имени, если они указывают на один и тот же объект, могут иметь разное значение (нести разную информацию семантически), во-вторых, учитывать скромную семантику имени.

Я вижу три возможных варианта развития данного тезиса. Во-первых, сторонник прямой теории референции может придерживаться самой строгой версии этой концепции и утверждать, что имена вообще не имеют никакого семантического содержания (напрямую непосредственно обозначают свой объект), поэтому высказывание «Венера – это Венера» является не менее информативным, чем высказывание «Фосфор есть Венера» [18]. Во-вторых, можно утверждать, что имена являются индексными выражениями (всегда указывают на объект с таким именем) [19]. В-третьих, можно отстаивать номинально-дескриптивную концепцию [20–23] (значение имени можно выразить дескрипцией, упоминающей данное имя, – «объект с именем X»).

Литература

1. Salmon N. Frege's puzzle. Cambridge, 1986.
2. Crimmins M. Talk about Beliefs. Cambridge, 1992.
3. Recanati F. Direct Reference: From Language to Thought. Oxford, 1993.
4. Фреге Г. О смысле и значении // Логика и логическая семантика. М., 2000. С. 231.
5. Soames S. Semantics and Semantic Competence // Philosophical Perspectives. Vol. 3. Philosophy of Mind and Action Theory. 1989.
6. Kaplan D. Demonstratives // Almog, Perry and Wettstein (eds). Themes from Kaplan. Oxford, 1989. P. 481–563.
7. Kripke S. Naming and necessity. Oxford, 1980.
8. Дэвидсон Д. О местоимении «что» // Д. Дэвидсон. Истина и интерпретация. М., 2003.
9. Bach K. Do belief reports report beliefs? // Pacific Philosophical Quarterly. 1997. Vol. 78 (3). P. 215–241.
10. Bach K. A puzzle about belief reports // K. Jaszczolt (ed.). The Pragmatics of Propositional Attitude Reports. Elsevier, 2002.
11. Куслий П.С. Референция единичных терминов // Вестник Томского государственного университета. 2009. №4.
12. Kripke S. A Puzzle About Belief // Peter Ludlow (ed.). Readings in the Philosophy of Language. MIT, 1997. P. 875–920.

13. *Crimmins M., Perry J.* The prince and the phone booth: Reporting puzzling beliefs // *Journal of Philosophy*. 1989. Vol. 86. P. 685–711.
14. *Crimmins M.* *Talk about Beliefs*. Cambridge, 1992.
15. *Richard M.* *Propositional Attitudes: An Essay on Thoughts and How We Ascribe Them*. Cambridge, 1990.
16. *Clapp L.* How to Be Direct and Innocent // *Linguistics and Philosophy*, 1995. Vol. 18, № 5 (Oct.).
17. *Schiffer S.* Fido-Fido theory of belief // *Philosophical Perspectives*. Vol. 1. Metaphysics. 1987. P. 455–480.
18. *Takashi Yagisawa.* A semantic solution to Frege's puzzle // *Philosophical Perspectives*. Vol. 7. Language and Logic. 1993. P. 135–154.
19. *Pelczar M., Rainsbury J.* The indexical character of names // *Synthese*. 1998. Vol. 114. P. 293–317.
20. *Bach K.* *Thought and reference*. Oxford, 1987. P. 130–175.
21. *Bach K.* Giorgione was so-called because of his name // *Philosophical Perspectives*. 2002. № 16. P. 73–103.
22. *Geurts B.* Good news about the description theory of names // *Journal of semantics*. 1993. № 14. P. 319–348.
23. *Katz J.* Names without bearers // *The Philosophical Review*. 1994. Vol. 103. P. 1–39.